

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Протоиерей Максим Козлов

(МДА)

О МЕСТЕ ПРИНЦИПА ПОСЛУШАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Настоящий доклад носит преимущественно практический характер и обращен к современной действительности, поэтому на общетеоретических вопросах мы остановимся лишь кратко. Послушание, по справедливому замечанию современного монаха, – это явление не только этического и даже аскетического, но также метафизического характера. По учению святых отцов, Адам до грехопадения был облачен в одеяние света, и если можно образно выразиться, послушание на метафизическом плане сшивает этот разорванный светоносный хитон¹. Христианин должен быть послушен Богу через исполнение заповедей, послушен священнику в том, что касается храмовой жизни и христианской нравственности, но у него остается свободная воля и выбор действий, на основании совести и нравственного чувства. У него два ориентира: внешнее учение Евангелия и внутренний голос совести. Этот путь для всех, но здесь человек сталкивается со сложностями и определенными опасностями: как исполнять евангельские заповеди в конкретных обстоятельствах, как отличить голос совести от тайного желания нашей страстной души, так как зло часто прячется под маской добра. Здесь возникает потребность, чтобы более опытный человек оценил бы наше духовное состояние и ситуацию, в которой мы находимся, помог бы нам бороться со страстями и правильно решать, хотя бы с нравственной стороны проблемы, которые возникают перед нами. Поэтому послушание это реальная необходимость, но возникают вопросы, недоумения и ошибки в каких формах должно проходить само послушание.

Идея духовного наставничества является необходимым элементом всякой религиозно-аскетической традиции. В христианской аскетике она играет весьма важную роль и, как указывает выдающийся современный патролог епископ Каллист Уэр, “в Православии в полной мере сохраняет свое значение и поныне”².

«Епископ и пресвитеры, - свидетельствует святитель Феофан Затворник - не немые свидетели спасения других... а действователи, возделывающие пасомых как ниву. Для того-то впоследствии... усвоены им известные права, с целью иметь в руках возможность спасти других...»³

Духовное руководство опытного наставника, имеющего в себе Благодать Духа Святаго, есть также одна из форм единого по сути христианского пастырства. «Старчество состоит в том, когда не настоятелю, а другому опытнейшему в обители

¹ См. Архимандрит Рафаил (Карелин). Послушание - основа спасения. <http://karelin-r.ru/duhov/167/1.html>

² Еп. Каллистос Уэр. The Spiritual Father in Orthodox Christianity // Word out of Silence. A Symposium on World Spiritualities. Ed. J.-D. Robinson. Cross Currents XXIV, 2-3. 1974, с. 296

³ Феофан Затворник, святитель. Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения В сборнике Святитель Феофан Затворник. Внутренняя жизнь. Игранные поучения М, 2001. С 104-105.

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

или вне оной предают себя ищущие спасения. Большею частию на деле заменяют его ныне духовники, а в иных обителях старцы, коим благословлено открывать помыслы и на коих разделена бывает обитель»⁴.

В христианской традиции исследователи различают разные виды духовного руководства. Наиболее часто исследователи сводят классификацию к двум основным видам духовного наставничества — “административный” и “харизматический”⁵. Какими бы терминами они ни выражались, в своей сущности такое деление отражает две формы духовной власти в жизни Церкви. Первая — то, что мы понимаем под словом “духовенство”: через непрерывное апостольское преемство осуществляется рукоположение клириков на протяжении веков. Вторая форма власти, то, что в русской аскетике называется “старчеством”, есть неписаное духовное предание, передаваемое из поколения в поколение чрез духовных учителей (святых), которые сообщают своим ученикам духовные навыки жизни в Боге, веками накопленные и отточенные. В отличие от учрежденной духовной власти, “старческое” руководство основывается на личных взаимоотношениях между старцем и послушником⁶.

Надо сказать, что в Восточной Церкви вышеупомянутые два вида духовного руководства — учредительный и пророческий — отнюдь не являются взаимоисключающими: “административное духовное лицо” может одновременно быть и старцем. Сосуществование этих двух взаимопроникающих уровней находит свое отражение в общежительном (киновийном) монашестве, где общемонастырское (административное) послушание, т.е. подчинение монастырскому начальству, и соблюдение правил и устава монастыря тесно переплетается с послушанием старцу.

В своей эпохальной статье-докладе «Старчество» (1917), проанализировав свидетельства древних памятников православной аскетики, прежде всего, патериковых повествований о старцах Египта, киевский богослов В.И. Экземплярский уловил важную деталь в облике старца. Старец — далеко не обязательно чудотворец и прозорливец, более того, чтобы достойно выполнять свой долг перед послушником, старец не обязательно должен быть человеком, достигшим бесстрастия. Более важно, чтобы он был опытен в борьбе со страстями, которыми пленен его послушник. В предшествовавшей В.И. Экземплярскому апологетической по отношению к старчеству литературе образ старца рисовался почти исключительно в превосходных выражениях, как образ святого боговидца и чудотворца. Разумеется, такой образ основывался на высказываниях святых отцов, которые (не без красочной византийской риторики) описывали отчасти идеального руководителя, отчасти — те чувства, которые преданный послушник испытывает к своему наставнику. В.И. Экземплярский обратил внимание на другие высказывания аскетов, указывающие, что в подлинном старце опыт борьбы со страстями гораздо важнее даров чудотворства и прозорливости⁷.

Вот, например, несколько цитат из писаний святых отцов, которые приводит В.И. Экземплярский:

⁴ Феофан Затворник, святитель Ук. соч. С 105

⁵ Neyt F. A Form of Charismatic Authority // Eastern Churches Review VI, 1. 1974, с. 63), или, как их называет еп. Каллистос Уэр, “учредительный” и “пророческий” (См. Каллистос Уэр. The Spiritual Father in Orthodox Christianity, с.297)

⁶ См. Иеродиакон Николай (Сахаров). УЧЕНИЕ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ О СТАРЧЕСТВЕ: СТАРЧЕСТВО И ПОСЛУШАНИЕ В БОГОСЛОВИИ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА). Журнал института богословия и философии, N 10, СПб 2001, с.85).

⁷ См. Беглов А.Л. Старчество в церковной традиции. Часть 3. Духовное руководство как элемент христианского аскетизма. <http://www.bogoslov.ru/text/440005.html>

«По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение <...> Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего, истинно смиренномудрых, и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам» (преподобный Иоанн Лествичник). «Такого учителя надлежит нам взыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был Духом через деяния и опыт» (преподобный Симеон Новый Богослов).

О том же века спустя говорил преп. Силуан Афонский: «Раньше Вы писали о своем желании поскорее найти старца. Но знаете ли Вы о том, какой Вам нужен старец? Чтобы с Вами справиться - старец должен быть чудотворцем, иметь дар прозорливости и пророчества и учительства, быть во всем совершенным, бесстрастным, подобно преподобному Серафиму. А если Вы попадете к старцу, у которого кроме дара рассуждения ничего особенного вышеестественного нет, то Вы не уживетесь с ним. У Вас нет еще к тому психологической подготовки и простоты веры. У Вас надо благочестиво убить не только волю, но и разум Ваш. Нет у Вас и доверия. Бродите Вы, как молодое вино. <...> В прошлом письме я Вам говорил и теперь повторяю, что если Вы не поймете и не исправите в своей душе нечто, то не только истинного старца-отца, но и просто руководителя не найдете себе; хотя бы их и находили Вы, но они все от Вас отрекутся. <...> послушный, доверчивый обогащается опытом, постепенно восходит от силы в силу, из всего научается извлекать пользу. А пытливый, склонный к соблазну, недоверию, особенно гордый, и от пророка не попользуется, и в чудотворце ничего не заметит, и совершенного будет унижать. С таким и тяжело, и бесполезно заниматься, и все духовники отрекаются быть руководителями подобных учеников»⁸. Характерно замечание преподобного Силуана Афонского, сделанное им в ответ на высказывание его корреспондента о том, что тот не собирается просить у старца Силуана благословение на детали своей жизни, так как не хочет пользоваться им, «как оракулом»: «Что же он наши молитвы сравнивает с оракулом? Дешево же он нас оценил»⁹.

По справедливому замечанию А.Л. Беглова, «...аскетическая практика обращения к руководству более опытных в духовной жизни была известно христианам и до появления монашества. Вполне вероятно, что она, как и другие аскетические практики, восходит к временам апостолов. Монашество вместе с другими формами аскетизма I-III веков использовало эту древнюю христианскую практику, углубило и расширило ее. Это указание на домонашеские, древнехристианские, а возможно, и новозаветные истоки старчества открывает перед нами замечательную перспективу для его анализа. Старчество — не «нововведение» IV века. Оно - неотъемлемый элемент христианского аскетизма, по-разному (как и другие его элементы) раскрывающийся в истории, в каждую историческую эпоху приобретающий особенные черты, но не изменяющийся и не исчезающий в самой своей сути»¹⁰

Кроме того, нам хотелось бы напомнить, что ни в каком смысле святые отцы не были утопистами. Конечно, их аскетические творения и наставления преизбыточествуют советами о том, как быть христианину, если избранный пастырь оказался не бесстрастным и святым, а человеком, имеющим несовершенства, немощи и страсти. Есть и указания о том, как вести себя, если пастырь - прямо и непосредственно недобрый.

⁸ Софроний (Сахаров), иеромонах. Подвиг богопознания. Письма с Афона (к Д. Бальфуру). Эссекс-М., 2002. С. 88, 104, 109-110

⁹ Там же. С. 239

¹⁰ Беглов А.Л. там же

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

Преп. Никодим Святогорец в Толковании на Послание к Евреям пишет: «Так что же, скажет кто-то, - мы должны покоряться любому игумену, архиерею и правителю - даже если он недобрый? Я отвечаю тебе: что, христианин, ты имеешь в виду, говоря, что твой архимандрит или игумен недобр? Если он недобр в вере, то есть если он имеет еретические и хульные учения, то уйди от него, даже если он ангел, сошедший с неба. Если же он недобр в [собственной] жизни и подвиге, то покоряйся ему, ибо Господь говорит о таких, как он: «На Моисеове седалищи седоша книжники и фарисее. Вся убо елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом же их не творите: глаголют бо и не творят» (Мф.23,3). Но о епископах и игуменах еретиках и развращенных в вере апостол Павел сказал, чтобы мы не прилагались их учения: «В научения странна и различна не прилагайтеся» (Евр.13,9). Почему же мы должны повиноваться архиереям и вообще всем пастырям, недобрым в житии, но не должны повиноваться архиереям (и вообще всем пастырям.), недобрым в вере? Потому что архиерей, недобро живущий, никогда не станет советовать другим тоже жить плохо: ведь и сам он, совершая злые дела, стыдится их. И из одного ясно видно другое: то есть раз он использует всякое ухищрение и способ, для того чтобы скрыть от людей совершаемые им недобрые дела, то как он сможет учить им других? А вот тот архиерей, кто недобр в вере, не сможет [рано или поздно] и народу не проповедать то еретическое мудрование, которое он [до поры до времени] носит в своем сердце»¹¹.

Святитель Иоанн Златоуст учит: «Кто преподает неправое учение, того не слушай, хотя бы он был ангел, а если кто преподает правое учение, то смотри не на жизнь его, а на слова... Не сам он говорит тебе. Если повинуешься только ему, то не получаешь награды - тебе заповедует Христос. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы он говорил что-нибудь от себя, что-нибудь человеческое, но должно слушаться его как Апостола, имеющего в себе Христа, Который говорил чрез него»¹².

Нам не удалось найти у святых отцов ни одного свидетельства о том, что если пастырь не бесстрастен и не свят, то послушание ему невозможно или оно не может принести доброго плода в жизни послушника. При этом под этим послушанием следует понимать отсечение - по сути жертвенное - перед пастырем и эгоистической воли, и собственного мудрования. Конечно, для человека еще не очистившегося это благое послушание не может быть не связано с болью. «Даждь кровь и прими Дух» - эти слова в полном смысле относятся к этому великому подвигу благого о Господе послушания.

Существует множество явных свидетельств и примеров того, как пасомые проявляли любовь и покрывали немощи и недостатки пастыря. «В отце, хотя бы он имел бесчисленное множество немощей, сын покрывает все: «Не славься, - говорит Премудрый, - в бесчестии отца твоего, несть бо ти слава отчее бесчестие: аще и разумом оскудевает прощение имать» (Сир.3,10). Если так говорится о плотских отцах, то тем более надобно сказать об отцах духовных», - говорит святитель Иоанн Златоуст¹³.

Отступление от послушания имеет оправдание в трех случаях: это ересь, попрание евангельских заповедей (которому человек при этом и учит) и открытое отступление от Православного Предания.

¹¹ Иером. Доримедонт. К неверящим в то, что в наше время возможно доброе послушание пастырю. М., «Святая Гора», 2004. - с. 30-31

¹² Там же, с. 31

¹³ цит. по: Иером. Доримедонт. К неверящим в то, что в наше время возможно доброе послушание пастырю. М., «Святая Гора», 2004. - с. 32-33

Изучение аскетических творений средневековой Руси приводит к заключению, что в те времена послушание играло далеко не главную роль в монашеской жизни. В древне — русской аскетической традиции понятие духовный отец (русский перевод греческого *pneumatikos pater*) применялось не по отношению к старцу, а к священнику, принимавшему исповедь. В ранних памятниках аскетической литературы, таких как Киево-Печерский патерик, далеко не часто можно встретить примеры интенсивного “старческого” духовного наставничества вне контекста исповеди. Как указывает С. Смирнов, хотя жития русских святых позволяют говорить о существовании старчества в монастырях, но поскольку авторы на нем подробно почти не останавливаются, можно заключить, что оно не играло той верховной роли, которая отмечается в византийском подвижничестве¹⁴.

Возрождение старчества в русской монашеской традиции обычно связывают с именем преп. Паисия Величковского (1722—1794).

Проведя несколько лет на Афонской Горе, он хорошо владел греческим языком. Это позволило ему читать греческих Отцов в подлиннике и переводить их писания на славянский. Именно под влиянием греческой традиции преп. Паисий возродил старчество и раскрыл верховное достоинство добродетели послушания “Каждый, — пишет он, — должен иметь кого-то опытного в духовном руководстве, кому бы он полностью предавал свою волю и повиновался как Самому Господу”¹⁵. Вместе с этим Преп. Паисий возрождает святоотеческий образ “старца”, приводя те неукоснительные критерии, которыми греческие отцы определяют служение истинного старца: бесстрашие, чистота души, пребывание в Духе Святом, способность духовного рассуждения. К XIX веку, в результате все возрастающего интереса к святоотеческому наследию, вызванному трудами преп. Паисия Величковского, послушание как аскетический подвиг становится все более центральным в русском монашестве. Вершиной русского старчества стал Преп. Серафим Саровский — старец *par excellence* — который окончательно утвердит понимание старчества как пророческого служения). Согласно преп. Серафиму, ответы старца основываются не на рассудочной деятельности, не на его богословской осведомленности или способности к психологическому анализу, а на воле Божией. Он объясняет, каким образом старец достигает знания воли Божией: «Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия, для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом. В таких случаях всегда делаются ошибки»¹⁶.

Распространение старчества в русском монашестве привлекло внимание русских интеллектуальных кругов. Так, центр русской монашеской духовности XIX века — монастырь Оптиная Пустынь, славившийся своими старцами, — стал местом интеллектуального и духовного паломничества для Гоголя, Киреевского, Достоевского, Толстого и Соловьева.

Однако по сравнению с преданием греческих Отцов в русской традиции в понимании послушания намечается некое неравновесие в гармонии таинственного троического тайнодействия Бог-старец-послушник. Упор на абсолютное доверие послушника старцу, с одной стороны, не был достаточно уравновешен требованием духовной опытности, с другой. Создается впечатление, что первое полностью

¹⁴ Смирнов С. Древне-русский духовник (М. 1913, с.26. прим.5)

¹⁵ В. Поляномерульский Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского М. 1847 г., с. 235; ср. там же, сс. 246-247, 262

¹⁶ Цит. по "Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря", 1903, ч.1, с.371

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

подавляет и даже вытесняет последнее, иными словами, вера ученика считается не только необходимым, но и достаточным условием для того, чтобы ответы старца — кто бы он ни был — приносили ему пользу.

И. Концевич заостряет внимание на опасности такого искаженного понимания старчества и указывает на возможность существования лже-старцев: в то время, как «подлинный старец сообщает волю Божию, лже-старец загораживает Бога собой»¹⁷. а, святитель Игнатий Брянчанинов отмечает нарушения принципов старчества, имевшие место в тогдашней русской практике, и советует отказаться от него как необходимого элемента подвижнической жизни¹⁸. По словам прот. Сергия Четверикова, к началу XX века среди русских интеллигентов «понятие старчество приобрело мрачный оттенок... даже само это слово произносилось с презрением и антипатией»¹⁹. Н.Бердяев совершенно отвергал идею послушания: «В прежнем понимании христианской духовности величайшему злоупотреблению подверглись послушание и смирение, в особенности, возможно, в Православии. Путь духовного восхождения заключался не в просвещении и преображении воли, а в ее истощении и обессиливании...»²⁰

Отвержение старчества в XX веке проникло даже в среду монашества. Так, о. Серафим Роуз пишет: «Сейчас больше нет старцев, подобных Паисию. А если мы считаем, будто таковые остались, то можем нанести непоправимый ущерб своим душам»²¹.

Тем не менее, мы все же находим традиционный идеал монашеского послушания сохранившимся на Афоне, в особенности у преп. Силуана Афонского.

Может быть, и с определенным полемическим заострением, но и не без оснований, архимандрит Лазарь (Абашидзе) в недавно опубликованных «Келейных записках» пишет об Афоне: «Все наше там, на родине, «монашество» видится таким жалким, уродливым, какой-то безжизненной пародией на монашество. Раньше нам казалось, что ничего возвышенно красивого в духовном отношении уже и быть не может в наше время, а тут вдруг видишь стройный хор, торжественно шествующий лик отцов, в единодушном строгом порядке с мужественными лицами, бравой походкой, бодрым шагом идущих в небу... Монахи, здесь совсем другие, совсем не такие, как те, кого довелось нам знать в наших краях. Можно сказать, что до сих пор нам были известны от мира монашеского только монашеские одежды и наименования: «послушник», «монах», «игумен», «архимандрит». Самих же послушников, монахов и игуменов мы пока не встречали. Еще одно странное чувство меня преследует здесь с самого начала: каждый раз, как вижу кого из афонитов, возникает навязчивое ощущение, что я его уже знаю и где-то видел. Не понимаю, откуда идет это чувство близости, как будто мы давно знакомы и как будто где-то давно жили по соседству, много раз встречались...»²².

Весьма жесткую позицию по данному вопросу занимает проф. А.И. Осипов, который в своём предисловии к книге «Носители духа святителя Игнатия»²³ настаивает на том, что в наше время не может быть какого-либо послушания

¹⁷ Концевич И., Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси (Paris, 1952), сс. 35-36

¹⁸ Свят. Игнатий Брянчанинов, "Приношение современному монашеству", Труды, М.. 1993, т. 5, сс. 71-75

¹⁹ Четвериков С., Из истории русского старчества, Путь 1 (1925), с. 99.

²⁰ Бердяев Н., 'About the New Christian Spirituality', Sobornost 25 (1934) с. 37

²¹ Цит. по D. Christensen, Not of This World. The Life and Teaching of Fr. Seraphim Rose. Pathfinder to the Heart of Ancient Christianity (Forestville, 1993) с. 633

²² Архимандрит Лазарь (Абашидзе), «Мучение любви (келейные записки)», изд. Саратовской Епархии, Саратов, 2005г, стр 268—269

²³ Носители духа святителя Игнатия (Духовные советы современным христианам). Калуга 2007, с. 1

духовнику. Приводятся и вроде бы вполне объективные доводы: часто среди духовенства встречаются не знающие духовных законов, плохие знания святоотеческой письменности, отсутствие святоотеческого понимания духовной жизни и мудрости, и применения её законов к психологии и силам современного человека; всё это неизбежно приводит к серьёзным искажениям и погрешностям в духовной жизни, и они производят «самые серьёзные последствия не только для жизни пастырей, но и для жизни всей Церкви и общества в целом»²⁴.

Однако, на наш взгляд неправильность подхода к существующей проблеме заключается в том, что нельзя искажения церковной жизни ставить на уровень целого явления, через нарушение принципа отвергать сам принцип послушания.. Это касается прежде всего упоминания о лжестарчестве и лжедуховничестве. А. И. Осипов пишет: «Не понимая того, кто может быть духовником и что это значит, не зная такой простой вещи, что священный сан и монашество сами по себе не наделяют человека мудростью духовничества, ложно представляя себе подвиг послушания (редкого даже в монашестве), такие батюшки и миряне вместо устроения духовной жизни начинают, увы, настоящую игру в «старцы-послушники»...Все это, естественно, приводит тех и других не к христианскому смирению и духовному возрастанию, а, напротив, к ещё большему самомнению, фанатизму, прямой духовной (а иногда и телесной) гибели, возникновению внутри Церкви настоящих «православных» тоталитарных сект»²⁵.

Более сдержанно высказывается на эту тему архимандрит Лазарь (Карелин). Правда он тоже отмечает, что «...в наше время возникло мнение, что необходимо отдать полностью свою волю избранному священнослужителю. Послушание и отдача воли – это не одно и то же. Слушают учителя, слушают родителей, но не отдают им своей воли, то есть главного свойства богоподобия – свободы выбора. Чтобы отдать свою волю человек должен хотеть стать таким как его наставник, а, к сожалению, некоторые священнослужители требуют от своих прихожан безусловного послушания и из наставников превращаются в маленьких диктаторов на своем приходе. Бывают даже такие возмутительные случаи, когда священник спрашивает на исповеди: "Кто твой духовный отец?". Если человек говорит, что он ходит в храм, но не выбрал духовного отца, то ему отвечают: сначала выбери, а потом исповедуйся. Если он называет имя другого священнослужителя, то ему говорят с еще большим раздражением: "Так, иди, и причащайся у него". Такие пастыри сами разделяют Тело Христово на части и присваивают себе то, что принадлежит Богу. Уже апостол Павел обличал неразумную приверженность верующих к своим наставникам, которые говорили: "...я Аполосов, я Павлов, я Кифов...", – как грех перед единством Церкви. Правы только те, кто считали, что они Христовы. Пастырь еще не хозяин стада. Даже апостол не может принять от верующих ту почесть, которая принадлежит Христу. Апостол Павел особенно обличал тех, кто называл себя павловым: "Разве Павел распялся за вас" – говорил он. В сравнительно недавнее время неразумные почитатели праведного Иоанна Кронштадтского образовали внутри церкви какую-то свою общину, которая была осуждена Синодом Русской Церкви как секта. Сам святой Иоанн отлучал этих людей от причастия. Но мы можем наблюдать другую картину, как некоторые духовные наставники сознательно и целенаправленно создают почитание, атмосферу экзальтации вокруг себя, стараются уважение к себе и доверие превратить в какой-то культ. Чаще всего им руководят две страсти: тщеславие и корыстолюбие. Так в

²⁴ (Там же, с. 1)

²⁵ Там же, с. 1

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

епархии появляются другие невидимые епархии, а в приходах замкнутые общины, как бы элита прихожан, особо преданных своему священнику...»²⁶.

Впрочем, тот же архимандрит Рафаил признает наличие как минимум трех форм послушания в современной практике душепопечения.

Первая, наиболее общая и так сказать приемлемая для всех форма – человек беседует со священником или лицом, опытным в духовной жизни, например с монахом, а женщина – с монахиней, и просит совета. Здесь у него опять-таки свобода выбора – принять этот совет или нет, исполнить его или отвергнуть. Такая беседа помогает ему разобраться в сложившейся ситуации, найти правильный путь, но не связывает его как обязательство.

Второе, человек приходит к священнику за благословением, он уже сделал выбор, но просит, чтобы священник своим благословением утвердил этот выбор, и благодать Божия содействовала бы ему. Здесь человек уже несет определенную ответственность за полученное благословение и должен стараться исполнить его, но если возникают какие нибудь дополнительные препятствия, то это исполнение не является обязательным: обязательно уважение к самому благословению, а грех – это пренебрежение им.

Третье, когда человек предоставляет священнику решить, как поступить ему в данном случае, как бы указать путь на перекрестке нескольких дорог. Такое благословение более обязывает человека к его исполнению. Здесь он должен стараться приложить все силы, чтобы исполнить его, и только при явной невозможности снова обратиться к тому же священнику, рассказать о своих обстоятельствах и попросить вновь оценить их – оставить благословение или переменить. Если человек самовольно нарушит благословение, добровольно взятое им, то это благословение превратится в будущем в камень преткновения на его пути.

Здесь, конечно, наличествует проблема, справедливо отмеченная прот. Владимиром Воробьевым:

“Можно провести такую параллель. Вот какая-то туристская группа подымается все выше и выше в горы. Сначала это лесистые тропки, ущелья очень красивые, дорога, а там, глядишь, альпийские луга, леса уже нет. Еще выше подымаешься и попадаешь в ущелье, где нет никакой растительности, только низкорослые кустарники, травка небольшая и высокие снежные горы, с которых сползают ледники. Из этих ледников берут начала реки. Доходишь до места, где обычно бывает приют, и дальше на перевал нужно идти уже по снегу, лезть на ледник. А для этого необходимо иметь специальное снаряжение, ботинки, ледорубы, связки, инструктора совсем другого, уже не туриста, а альпиниста. И поэтому на таком рубиконе туристы останавливаются и уже дальше не идут. Дальше смертельно опасно, дальше другая категория трудности. Туристские прогулки на этом уровне заканчиваются. Скажем, до высоты две с половиной, три тысячи метров можно дойти такому туристу. А на четырехтысячную высоту никак не залезешь, если ты не альпинист. Туда не пускают, нельзя, а полезешь – убьешься.

Нечто подобное видно и в нашей церковной жизни. Наша церковная жизнь до определенной высоты доводит нас. Здесь мы с уверенностью бегаем, прыгаем, трудимся, что-то строим, устраиваем. Но все это до какой-то отметки. А дальше? Мы не знаем, как дальше надо жить. И, оказывается, что инструкторов или проводников, которые знают, как дальше жить, уже практически нет, они недостижимы. А если они есть, то их раз-два и

²⁶ Архимандрит Рафаил (Карелин). О послушании монахов и мирян. <http://karelin-r.ru/asketm/138/1.html>

обчелся, и к ним уже попасть нельзя, это такие святые старцы, которых, может быть, человека три на всю Россию осталось. Обычные хорошие батюшки, духовники, вот тут еще умеют, а дальше – уже не умеют. Научить молитве умной они не умеют, потому что сами не молятся, им некогда, они работают прорабами, и учителями и еще неизвестно кем, но только не молятся, им некогда. Они не умеют научить побеждать страсти свои по-настоящему, до конца, не умеют научить жить присутствием Божиим, научить жить по воле Божией, не умеют слышать волю Божию.

И возникает грустное, тяжелое чувство ограниченности. Человек, который пытался, пытается жить духовной жизнью, наверное, знает это чувство, ощущение своего банкротства. На поверку оказалось, что ничего ты не умеешь, не знаешь, что вот так ты хорохорился, хорохорился... В общем, по-настоящему ничего не сумел.

Есть ли какой-то выход? Можно ли на что-то надеяться? Ответ должен быть дан объективный и честный – надежды у нас немного здесь. Следует признать, что мы дожили до такого периода церковной истории, когда многое для нас стало невозможным, запредельным, многие подвиги от нас удалились, стали для нас невыполнимыми, невозможными. Вы помните, наверное, что говорится о последних временах, что эти времена будут столь трудны, что если кто только призовет Имя Господне в это время, тот и спасен будет. Не понадобится вообще ничего, а только в этот страшный момент Имя Божие призвать, и то уже спасешься ввиду страшных трудных обстоятельств времени.

Каждому времени соответствует свой уровень трудности и свои достижения духовные. Господь не вменит нам то, что мы не достигаем таких вот уровней, такой праведности, святости, как древние святые. Но от нас требуется то же самое, что и от них – требуется подвиг»²⁷.

Тот же священник опытно свидетельствует:

“Людей, желающих отказаться от своей воли, стать послушными, искать волю Божию, очень мало. И поэтому священнику нужно не давать ввести себя в заблуждение. Кипит деятельность, все оживает, все растет, строятся храмы, вроде все плодоносит, священнику дают награды, повышают его в чинах, все образцово, все прекрасно. Он может поверить в то, что все действительно прекрасно... Нужно помнить обязательно всякому пастырю, что прекрасно будет только тогда, когда он будет приближаться к Богу, и когда его паства тоже будет идти к Богу, к духовной жизни, к жизни благодатной. Тогда только будет прекрасно, когда все лучше и лучше будет совершаться Божественная литургия, когда на совести, на душе появится благодатный свет, когда все меньше будет иметь значение всякое земное благополучие, земные достижения, награды. Все это будет он ни во что вменять, если прикоснется к жизни благодатной, к жизни с Богом. Вот если так он будет жить, то к нему постепенно будут собираться духовные чада, которые будут иметь такое же устройство. Если же он в основном погружен в земную деятельность, то и чада его будут такими же, земными, а не духовными.

Более всего священнику должно бояться подмены, потому что подмена несет в себе дух антихриста, вместо Духа Христа.

Он должен смотреть – а он не заблудился, сам-то он не забыл единственно правильную цель? Ко Христу ли он идет, и готов ли он

²⁷ Протоиерей Владимир Воробьев . Покаяние, Исповедь, Духовное руководство http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/03v/vladimir_vorobiev/confession1/8.html

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

пожертвовать всем ради того, чтобы остаться со Христом? И должен смело признавать, что мало он умеет, мало получается, и среди тех, кто идет за ним, очень мало настоящих духовных чад. И, занимаясь всевозможной деятельностью, и благотворительной, и преподавательской, и организаторской, и строительной, и просто отправлением служб и треб, священник должен помнить о едином на потребу – о том, что самое главное, чем никогда нельзя пожертвовать, нельзя поступиться – реальная жизнь с Богом, жизнь благодатная. Все остальное без благодатной жизни не имеет никакой цены, никакого смысла и будет давать только обратный результат.»²⁸

Но тем не менее можно ли отрицать, что послушание пастырю — это заповедь не только для монахов, но и для всех христиан. Своему пастырю — будь он апостол, епископ, духовник, игумен (восприемник при постриге) или Старец — в смысле духовного благодатного мужа — христианин обязан оказывать чрезвычайное послушание. И эта священная заповедь дана не на время, а навсегда. Если чрезвычайно, во всём слушается пастыря афонский исихаст, то он покорен Старцу в каждом шаге за дверь кельи, в каждом глотке воды и в каждом приятии или отвержении сердечного помысла. Если чрезвычайно, во всём повинуется пастырю искренне обратившаяся к Богу студентка Школы-студии МХАТ, то она слушается батюшку в отношении косметики, дискотек и продолжения учёбы по выбранной специальности.

Между этими крайними примерами может быть тысяча и одна промежуточная степень, но во всех случаях критерием чистоты послушания будет совесть христианина — утончающаяся с каждой одержанной победой над своим греховным «я» и притупляющаяся с каждым падением непослушания пастырю.

В любой Поместной Церкви есть добрые пастыри. Если в Церкви нет добрых пастырей, это значит, что её одолели адовы врата, в ней нет Христа и она уже не Церковь (да простит Господь нашим устам такие слова). Если же в Церкви есть (и воистину есть, и до скончания века будут) добрые пастыри, то заповедь о послушании им (кроме вышеуказанных исключений) остаётся для членов Церкви в своей неизменной силе.

Эту заповедь не может отменить ни один исключительный опыт ни одного — даже самого святого — человека

Добрый пастырь (и монахов, и мирян) может не быть великим аскетом, прозорливцем или чудотворцем, но он не может не быть «агнцем», жертвенно отвергающим свою волю перед Христом. Для того чтобы быть добрым пастырем, надо быть прежде всего доброй Христовой овцой²⁹.

Поэтому, ища духовного руководителя, надо высматривать не великих аскетов, прозорливцев и чудотворцев, но добрых пастырей, опытно утверждённых к Преданию того образа жизни, который мы выбираем, любящих паству и жертвенно полагающих за нас жизнь. Такие добрые пастыри в Церкви были, есть и будут. Если поиск искренен и самоотвержен, то есть если мы ищем пастыря, для того чтобы жертвовать своей греховной волей — и через эту жертву познавать святую волю Божию, — то Сам Христос найдёт доброй овце доброго пастыря по её сердцу.

²⁸ Там же

²⁹ Свт. Димитрий Ростовский). (Цит. по кн: Константин (Зайцев), архимандрит. Пастырское богословие Изд. «Свет Православия», 2002. С 81.

«Если кто искренно и от всей души ищет спасения, того Бог и приведет к истинному наставнику... Не волнуйтесь - свой своего всегда найдёт»³⁰

Необходимо сказать, что люди разные — и священники разные. Разным людям подходят разные типы духовного окормления. Святые и благодатные старцы тем и отличаются от большинства священнослужителей, что подлинный старец вмещает всех. У него окормляются и молодые, и старые, и образованные, и препростые, и либеральные, и традиционные — всех он вмещает и всем вокруг него хорошо. Это бесконечно удаленный от идеала, но тем не менее показательный пример того, как Бог будет «всяческая во всех». Со Христовым угодником всем вокруг хорошо. С большинством же даже добрых, ответственных, благоговейных священнослужителей так не получается. Вокруг них хорошо какой-то части народа Божия, которая им соответствует по типу личности, по характеру, по тому, чего они ожидают от священнослужителя. Но кто-то может предпочесть другого священника.

Одним нужна требовательность, твердость, четкое указание пути, буквально пошаговая инструкция. А с другими нужно вместе поплакать, пожалеть их, чтобы они не впали в уныние. Разумный человек будет искать такого духовника, с которым у него не будет препятствий к исповеди, советы и наставления которого будут очевидным образом приносить ему духовную пользу. Кстати, это не обязательно должен быть человек, близкий по характеру. Как раз мягкому и склонному к расслабленности человеку нужен священник решительного и твердого характера. Человеку внутренне жесткому и твердому, не умеющему плакать, нужен тот, кто сумел бы растопить его сердце и поплакать за него о его грехах.

В больших городах люди имеют возможность такого поиска. И нужно не завышать требования. Как говорил один старец нашего времени, «нужно не очаровываться, чтобы не разочаровываться». Не нужно делать из священника кумира, чтобы потом, видя в нем естественные человеческие недостатки, не приходиться к унынию, к разочарованию — иной раз не только в нем, но и в Церкви.

Этот поиск естественен для человека, к нему нужно подходить ответственно и не руководствоваться какими-то странными соображениями типа «приду туда-то, к кому первому на исповедь попаду, тот и будет моим духовником». Это совершенно неправильно — по крайней мере, в большинстве случаев. Это было бы странное гадание на кофейной гуще применительно к столь ответственному аспекту жизни, как душепопечение и забота о спасении собственной души. Поэтому человеку, находящемуся в начальном периоде церковной жизни, или после кончины духовника, или при переезде в другую страну, другой город, просто при перемене жизненных обстоятельств, разумно посетить несколько храмов, посмотреть, как служат, как проповедуют, как общаются с прихожанами, и решить, куда потянется душа. Сходить в одно, другое место на исповедь, и где душа упокоится, где почувствует, что это ее дом, — там и оставаться.

В этой связи позволю себе привести - как вполне частный опыт - десять правил, сформулированных в интернет-общении в Живом Журнале относительно поиска духовника (стиль сохранен):

1. «100 раз подумай, прежде чем доверяться священнику, умеющему смешно пародировать кого-либо, в лицах рассказывать анекдоты, вообще обнаруживающему в разговорах недюжинный актерский талант. Возможно и его духовничество есть своеобразное актерство. Представь, как забавно он будет пародировать твои исповедные пассажи перед матушкой или в кругу собратьев-священников.

³⁰ Прп. Лев Оптинский) (Цит. по кн: Преподобные Старцы Оптинские Жития и настам ления. Изд. второе. Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2002. С 52

2. Не обманывайся, успешная административная деятельность и духовничество - две вещи мало совместные. Голова начальствующего - не компьютер, который можно перезагрузить перед общением с духовными чадами. Слушая твою исповедь, он думает об епархиальных взносах или приходских проблемах. То же на литургии - молитва борется с расчетами, и не всегда успешно. Не встречал ни одного священника, сделавшего административную карьеру, который на конференциях, заседаниях, официальных встречах, праздничных трапезах и разъездах в авто, занимающих большую часть его служебного времени, читал бы поминальные записки или хотя перебирал четки за своих духовных чад.

3. Не покупайся на священнические награды. Церковные награды, в особенности прежде положенного времени (положено: протоиерей - более 10 лет служения; крест с украшениями - более 20; митра - более 30, "отверстия" - 35-40) - знак преуспевания карьерного, а не духовного.

4. Если не помышляешь об иноческом постриге, а имеешь или мечтаешь иметь нормальную семью, то монах, целибат или, особенно, священник, чей брак не удался, в качестве духовников, как правило, рискованный вариант. Первые двое могут просто тебя не понять или понять не так, второй же способен еще и отравить душу сознательно или бессознательно раз и навсегда усвоенной им из личного опыта "мудростью" - "все бабы-дряни". Молодой священник нежно любящий и уважающий свою матушку, которая в свою очередь отвечает полной взаимностью, в семейных вопросах бывает во много раз компетентнее седовласого протоиерея, потерпевшего крах на семейном фронте.

5. Хуже духовника, разъезжающего на новом личном Лексусе или собственном тюнинговом Мерседесе бывает только духовник, имеющий эти машины в гараже, но на людях пользующийся исключительно церковными жигулями.

6. Беги от молодого священника, встречающего тебя каждый раз Серафимовым "Радость моя, Христос, воскрес!" И от пожилого тоже беги. Ласковость чаще бывает от человекоугодия (еще хуже - от лицемерия), а нет от мира духовного и всеобъемлющей к ближним любви. Потому как и мир, и любовь надо выстрадать, а к человекоугодию склонны все, даже опытные пастыри. Строгий и рассудительный духовник лучше ласкового и глупого.

7. Примечай, сколько батюшка служит. Священник должен служить, литургия - его жизнь. Если на преподавательскую, административную, социальную и иную деятельность у него уходит больше времени, чем на предстояние пред престолом - это тревожный звонок для него и его потенциальных духовных чад.

8. Духовник - это хороший человек. Плохой человек настоящим духовником быть не может. Поэтому если у священника дурные поступки случаются не как падения (падения случались и со святыми), а закономерно, по дурным качествам его характера, то лучше искать духовного руководства где-нибудь на другом приходе.

9. Задумайся, действительно ли ты хочешь быть духовным чадом настоятеля храма, клирики которого бегут с прихода, сломя голову, кто куда. Клирики - существа, как правило, неприхотливые и зело терпеливые (бывают и яркие исключения) и если уж они не выдерживают, выдержишь ли ты?»³¹

В заключение, хотел бы сказать несколько слов о проблеме так называемого младостарчества.

³¹ <http://testis-mutus.livejournal.com/83658.html>

Младостарчество - термин, который сейчас очень широко обсуждается и который помимо собственного значения часто употребляется как ярлык. Примерно как стали говорить «фашист», когда хотят сказать о ком-то плохо. Так же начали говорить: это младостарчество. Нарисовали какой-то страшный образ безумного священника, лузгающего семечки да раздающего конфетки, бьющего по лбу, тянущего за косы, одной говорящего «ты выходи замуж за этого», другому - «ты иди завтра в монастырь». Такого церковного самодура, который что хочет, то и делает, никем никак не сдерживаемый, и делает это на том основании, что усваивает себе благодатные дары, которые есть у подлинных старцев. Наверное, такие есть. Но таких - в прямом смысле слова - я никогда не видел. Слышал, читал косвенные отзывы, даже есть известный текст митрополита Антония (Блюма), где он рассказывает о пастырстве и об отрицательных примерах духовного руководства, о которых он узнал от перебравшихся в Англию людей. Но он тоже не прямо видел такого человека, а узнал по рассказам.

Но в жизни чаще встречается другое: священник невольно, чаще бессознательно начинает «поддавливать», чтобы его слушались не только, когда он говорит то, что является правдой Церкви, Евангелия, канонов, церковного учения, пользой для души. Известно, что это будет не вредно, а иной раз и полезно для души того или иного человека. Есть у него авторитет (чаще всего справедливо заработанный), которым трудно не воспользоваться для решения каких-то либо церковно-практических, либо даже жизненно-педагогических проблем.

Иногда говорят: «Слушай, ну понятно же, что наш батюшка считает правильным так поступать, что же ты не так делаешь?» Это может не говориться, но атмосфера такая может создаваться: все идут, а ты чего не идешь? Все в источник, а ты чего не идешь? Все едут в паломничество, а ты не едешь? И вот такое давление значительно чаще имеет место, чем что-либо другое. Давление подспудное, высказанное или невысказанное, но как постоянный фон отношений священника и людей присутствующее.

И вот это давление, если сам священник не стремится его по-разному, иной раз шуткой, иной раз прямым указанием для отрезвления пресекать, не умеет иной раз к себе иронически и сдержанно отнестись, понимая, что он-то как раз не святой Иоанн Кронштадтский, и не Оптинский старец, и не отец Алексей Мечев, а просто один из тысяч клириков Русской Православной Церкви, следующим своим этапом зачастую имеет еще не культ, а «культик» любимого батюшки. Вот как он служит! Тот-то, Фома, совсем не так служит. Я там ничего не ощущаю при богослужении: приду - отстояла и отстояла, а тут приду - какая молитва находит! Ну и дальше: а как исповедует - все его слова, сказанные мне на исповеди, осуществились. Все он в моей жизни предсказал, устроил.

Чуть только священник позволит сам для себя этим попользоваться, в его сознании уже такая подмена и происходит: он становится из садовника, который поливает, иной раз ограждает, иной раз обрезает, - скульптором, который ваяет. А он - не скульптор. Скульптор - Господь. Это если высоко сказать.

Жизнь часто значительно грубее, и поэтому в грубых жизненных проявлениях это оборачивается командованием. Командованием, когда необходимая в церковной жизни дисциплина соединяется с тем, с чем она соединима быть не должна, с тем, что является послушанием духовного чада духовному отцу. Когда само слово «послушание» начинает употребляться и восприниматься неадекватно. «Вам послушание чистить картошку» - это обязанность, работа такая, наряд на кухню, а почему-то говорится «послушание». «Вам послушание на клиросе петь» - вообще-то это работа такая, никакое это не послушание, человек за это деньги получает; будет вести себя плохо - его накажут, не будет готовиться - его уволят. Но вот говорят: нет,

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

это послушание. И вот дальше: это послушание, послушание, послушание. Это либо работа, либо обязанность, либо просто необходимость порядок соблюдать. А послушание - это свободное, свободное в тех пределах, которые двумя людьми определены, отдача своей воли ученика учителю, того, кто доверяет, тому, кому он доверяет. Вот это единственное, о чем можно сказать «послушание» в собственном смысле этого слова.

Часто в кучу все соединяется, и там уже пойдя раздели, когда «послушание» - так-то тебе молитвенную жизнь устроить опасно, и «послушание» - пойти завтра на вокзале посылку встретить для прихода или для какого-то другого человека. Крайности такого «послушания»: «Коля - не жених тебе, не жених; конечно, я ничего тебе не говорю, но не жених. Ты вот думай, конечно, а я тебе говорю. Много ты с ним слез-то отольешь». И часто просто взрослый человек, даже не священник, хочет уберечь, оградить своих птенцов от того, чтобы они глупостей не наделали. Но нужно суметь уберечь и оградить так, чтобы избежать такого: «Изволь меня послушаться, если слушаешься, то будет хорошо», а постараться, чтобы человек сам понял, если этого делать не надо; чтобы человек только своей свободной волей решал. Это труднее всего, потому что страшнее всего человеку дать его свободную волю и попытаться рядом с ним стоять, у него этой воли не отнимая. Бог людям эту свободную волю дал, а мы правильной Бога не должны стараться быть. И решать, что Он дал, а я лучше себе возьму и за них все решу, как для них спасительнее быть, как им лучше спастись. Это очень трудно. Поэтому это явление естественно продуцируется, и часто совсем не из дурных побуждений, не из того, что клирику рабов нужно завести или марионеток, которых он будет дергать за ниточки. Хотя такое, наверное, тоже бывает, но это еще поискать надо.

Есть еще один момент, который может оказаться критерием для оценки того, что такое младостарчество. Это если вдруг от нас начинают требовать, именно требовать, ожидать, чтобы священника любили. Когда не дисциплины требуют и даже не исполнения послушания в том высоком смысле, о котором мы говорили, а повинения от любви, от единокровия, от того, чтобы вместе на одной ноте души и сердца пели. Это звоночек, что что-то тут неправильно, и надо сразу сделать два, три, десять шагов назад.

Сказавши это, хочу сказать и другое, с чего начал: что сейчас младостарчеством начинают орудовать как жупелом, говоря, что везде, все младостарчество. И поэтому вообще ни послушания не должно быть в Церкви, ни дисциплины не должно быть в Церкви, вот книжки читай и спасайся. Но покажите мне таких, кроме самых умных профессоров в митрах и без митры, которые так вот могут спастись. Весь опыт жизни Церкви стоял на том, что традиция - это «передавание» из рук в руки, что лучшее предание - это то, чему можно научиться рядом с учителем, а не прочитав книжки. А нам хотят сказать, что времена благодатных старцев кончились (вероятно, уже при Антонии, Макарии и Пимене Великом), а с той поры ничего не было, только младостарцы сплошные, которые сейчас толпами ходят, а вы их не слушайте, вы сами умные, вы читайте книжки - Писание, трех-четырёх рекомендованных авторов, и все. А если кто начинает говорить о послушании, о духовной жизни, об опыте молитвы, о том, что нужно к ней пробиваться, а если еще и о каком-то мистическом опыте, то это все - либо младостарчество, либо прелесть. Этим все засушивается до уровня бесплодной рациональной схемы, из которой вырасти никогда ничего не может: ни молитва, ни настоящая духовная жизнь. Поэтому осторожно надо подходить.

У проблемы младостарчества существует обратная сторона: не только в священнике дело, а дело в том, что прихожане и, главным образом, прихожанки готовы искать старцев, видеть их в ни в чем не виноватых приходских священниках.

Есть такой пример в жизни Арсения Великого. «Доставала» его очень одна дама из знатных: искала тоже такого благодатного подвижника и абсолютного послушания. Ему периодически по каким-то церковным делам то в Константинополе, то еще где-то приходилось бывать. И вот когда она уже до крайности его утомила, он, как указано, сказал: «Точно хочешь быть в послушании у Арсения?» И она радостно: «Наконец-то! Да, да, хочу, все что угодно сделаю». «Ну, хорошо. Если ты во всю твою последующую жизнь услышишь, что Арсений вошел в тот или иной город, ты тут же должна из него выходить на десять стадий, и пока ты точно не будешь знать, что Арсений из этого города ушел, к городу ближе, чем на десять стадий, не приближайся». Вот это ответ святого. Кстати, если бы так сегодня сказал обычный священник, его почти наверняка обозвали бы грубияном и младостарцем: уже о себе возомнил что-то, одних привечает, других гонит от себя, понятно, я ему не нужна.

Приходится в иных ситуациях быть значительно более сдержанным и деликатным, исходя из обстоятельств времени и реальной оценки людей. Но, конечно, линия поведения священника должна быть на отказ от подобного рода спекуляций, от такого рода попечений, указаний, пошаговых инструкций. По принципу: прежде чем вскипятить чайник, вы должны налить туда воду, потом воткнуть его в розетку, иначе он никак не вскипит. Правда, от пошаговых инструкций благоразумный священник будет, где можно, дистанцироваться, а где можно - пытаться воспитать людей к тому, чтобы они несли ответственность за свои поступки. Ведь что за всем этим, главным образом, стоит? Бег от ответственности. Нежелание ни за что в жизни церковной и в личной жизни отвечать. Все делать по благословию. Не потому, что это благодатное послушание, а потому, что так легче жить. Не думать и все.

«Может быть, кому-то покажутся странными и эти слова. Но и об этом говорить надо. Обычно человеку в его падшем состоянии трудно бывает отсечь перед духовником, да и вообще перед кем бы то ни было свою волю, смириться, проявить истинное послушание хотя бы в самом малом. Для этого необходим подвиг самопонижения. И часто люди не выдерживают даже самого разумного и основательного духовного руководства именно потому, что не хотят смириться. Но в то же время, как это ни парадоксально, множество людей ищет того, что можно было бы назвать «готовым спасением», ищет того, кто мог бы сказать: «Я знаю, как надо» – и повести за собой так, чтобы думать больше не приходилось ни о чем, так, чтобы избавиться от постоянного мучительного выбора между добром и злом, добродетелью и пороком, предоставив право этого выбора за себя другому. Знает ли этот другой, куда действительно должно идти, или же он всего лишь «слепец, ведущий других слепцов, чтобы вместе с ними упать в яму», – оказывается не важным. Важнее другое – его сила, его уверенность, способность подчинять, действовать решительно, без колебаний»³².

Самая распространенная неправильность духовных чад по отношению к духовному отцу это замена послушания стремлением постоянного общения. В некоторых случаях послушание превращают в предлог для встреч и бесед с духовным отцом. Получается не то духовный вампиризм, не то желание удовлетворить свои потаенные отрасти. Здесь духовная любовь заменяется «платонической» любовью с примесью мечтательности и романтики, а самое главное, что такие люди бесцельно отнимают время и силы, и как бы стремятся захватить себе все, что должно принадлежать всем. Где пропадает духовный страх к своему наставнику, там пропадает духовная любовь к нему.»

³² Архимандрит Рафаил (Карелин). Умение умирать или искусство жить. Послесловие редакции. М, 2003, с.429

ПРОТ. МАКСИМ КОЗЛОВ: О месте принципа послушания в современной аскетической практике

И, наконец, последнее и самое главное. На наш взгляд, в отношениях «послушник—старец» основной является фигура не старца, а послушника. Пастырь существует ради пасомого, а не наоборот. Послушание необходимо не пастырю, а пасомому. Смысл отношений пастыря и пасомого в том, чтобы через послушание пастырю пасомый стал подобен Христу. Поэтому классификация пастырей на «недостойно живущих — ещё не святых — бесстрастных» — больше теоретическая. Реальному пасомому в реальной жизни различить, например, кто живёт достойно, но ещё не достиг святости; кто ещё только входит в священное небо бесстрастия, а кто, «лицемеря добрым лицемерием», скрывает своё хриstopодобие под напускными немощами и страстями, — часто не только невозможно, но и не нужно.

Как пишет современный афонский монах, «...кто познал свою немощь, тот будет искать в Великом Таинстве Послушания не бесстрастия пастыря, а врачевания своей больной страстной душе. Кто своей немощи познать не хочет, тот умудрится увидеть «страстное» даже в самом бесстрастном, «немощное» — в самом могучем, «нечистое», «мелочное» и «греховное» — в самом чистом, самом великом и самом святом человеке.»³³

³³ Иером. Доримедонт. К неверящим в то, что в наше время возможно доброе послушание пастырю. М., «СвятаяГора», 2004. - с.34-35